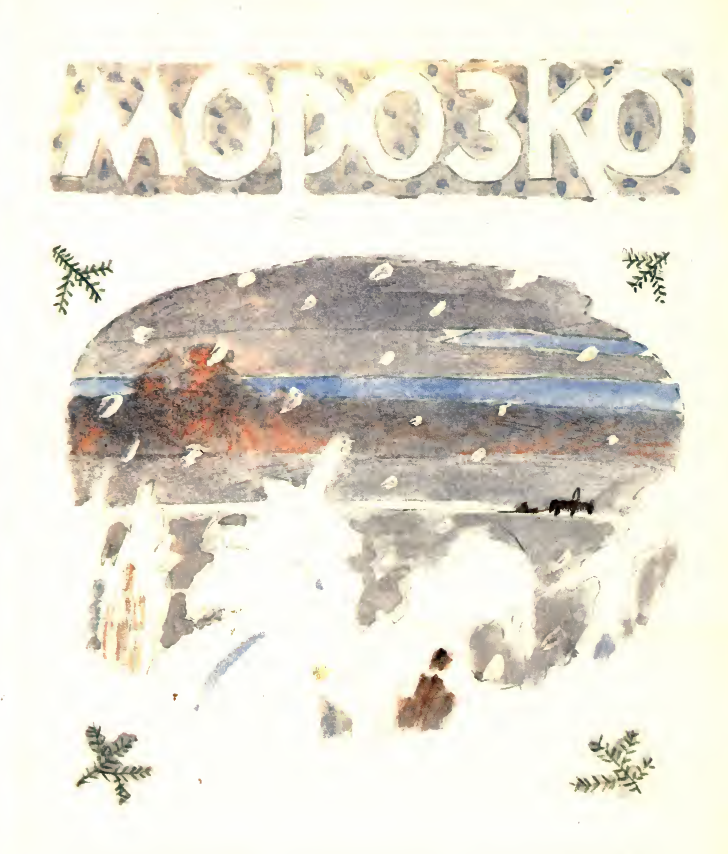

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

МОРОЗКО • ТЕРЁШЕЧКА • СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА • ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1980

$М\frac{70801-398}{М101(03)80}012-80$

МОРОЗКО

Живало-бывало, жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься — бита, и не довернёшься — бита. А родная дочь что ни сделает — за всё гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — ещё до свету... Ничем старухе не угодишь — всё не так, всё худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези её, старик,— говорит мужу,— куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

— Садись, мила дочь, в сани.

Повёз бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой де́вица сидит, и сверху её спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощёлкивает:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защёлкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал её тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уже поминки справляет, печёт блины и кричит мужу:

— Ступай, старик, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места — под большою елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

А дома старуха печёт блинцы, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так тявкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била её, а собачка — всё своё...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идёт падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый. Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старик, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает:

— Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

— Ой, студёно! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки, ноги отмёрзли! Уйди, Морозко...

Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старик, поезжай за дочерью, привези её в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

— Не так тявкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — всё своё:

— Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мёртвая.

Заголосила старуха, да поздно.

ТЕРЁШЕЧКА

У старика со старухой не было детей. Век прожили, а детей не нажили.

Вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, стали качать да прибаюкивать:

— Спи-тко, усни, дитя Терёшечка,—
Все ласточки спят,
И касатки спят,
И куницы спят,
И лисицы спят,
Нашему Терёшечке
Спать велят!

Качали так, качали да прибаюкивали, и вместо колодочки стал расти сыночек Терёшечка — настоящая ягодка.

Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Старик сделал ему челнок, выкрасил его белой краской, а весельцы — красной.

Вот Терёшечка сел в челнок и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече.
Челнок, челнок, плыви далече.

Челнок и поплыл далеко-далеко. Терёшечка стал рыбку ловить, а мать ему молочко и творожок стала носить.

Придёт на берег и зовёт:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка издалека услышит матушкин голос и подплывёт к бережку. Мать возьмёт рыбку, накормит, напоит Терёшечку, переменит ему рубашечку и поясок и отпустит опять ловить рыбку.

Узнала про то ведьма. Пришла на бережок и зовёт страшным голосом:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка распознал, что не матушкин это голос, и говорит:

— Челнок, челнок, плыви далече,
То не матушка меня зовёт.

Тогда ведьма побежала в кузницу и велит кузнецу перековать себе горло, чтобы голос стал, как у Терёшечкиной матери.

Кузнец перековал ей горло.

Ведьма опять пришла на бережок и запела голосом точь-в-точь родимой матушки:

— Терёшечка, мой сыночек,
Приплынь, приплынь на бережочек,
Я тебе есть-пить принесла.

Терёшечка обознался и подплыл к бережку. Ведьма его схватила, в мешок посадила и побежала.

Принесла его в избушку на курьих ножках и велит своей дочери Алёнке затопить печь пожарче и Терёшечку зажарить.

А сама опять пошла на раздобытки.

Вот Алёнка истопила печь жарко-жарко и говорит Терёшечке:

— Ложись на лопату.

Он сел на лопату, руки, ноги раскинул и не пролезает в печь.

А она ему:

— Не так лёг.

— Да я не умею — покажи, как...

— А как кошки спят, как собаки спят, так и ты ложись.

— А ты ляг сама да поучи меня.

Алёнка села на лопату, а Терёшечка её в печку и пихнул и заслонкой закрыл. А сам вышел из избушки и влез на высокий дуб.

Прибежала ведьма, открыла печку, вытащила свою дочь Алёнку, съела, кости обглодала. Потом вышла на двор и стала кататься-валяться по траве.

Катается-валяется и приговаривает:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкина мясца наевшись.

А Терёшечка ей с дуба отвечает:

— Покатайся-поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

А ведьма:

— Не листья ли это шумят?

И сама опять:

— Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкина мясца наевшись.

А Терёшечка всё своё:

— Покатайся-поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

Ведьма глянула и увидела его на высоком дубу. Кинулась грызть дуб. Грызла, грызла — два передних зуба выломала, побежала в кузницу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне два железных зуба.

Кузнец сковал ей два зуба.

Вернулась ведьма и стала опять грызть дуб. Грызла, грызла и выломала два нижних зуба. Побежала к кузнецу:

— Кузнец, кузнец! Скуй мне ещё два железных зуба.

Кузнец сковал ей ещё два зуба.

Вернулась ведьма и опять стала грызть дуб. Грызёт — только щепки летят. А дуб уже трещит, шатается.

Что тут делать? Терёшечка видит: летят гуси-лебеди. Он их просит:

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к батюшке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами ещё летят — поголоднее нас, они тебя возьмут.

А ведьма погрызёт-погрызёт, взглянет на Терёшечку, облизнётся — и опять за дело...

Летит другое стадо. Терёшечка просит:

— Гуси мои, лебедята!
Возьмите меня на крылья,
Унесите к батюшке, к матушке!

А гуси-лебеди отвечают:

— Га-га, за нами летит защипанный гусёнок, он тебя возьмёт-донесёт.

А ведьме уже немного осталось. Вот-вот повалится дуб.

Летит защипанный гусёнок. Терёшечка его просит:

— Гусь-лебедь ты мой! Возьми меня, посади на крылышки, унеси меня к батюшке, к матушке.

Сжалился защипанный гусёнок, посадил Терёшечку на крылья, встрепенулся и полетел, понёс его домой.

Прилетели они к избе и сели на травке.

А старуха напекла блинов — поминать Терёшечку — и говорит:

— Это тебе, старичок, блин, а это мне блин.

А Терёшечка под окном:
— А мне блин?
Старуха услыхала и говорит:
— Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терёшечку, привёл к старухе — пошло обниманье!

А защипанного гусёнка откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди стада летать да Терёшечку вспоминать.

СЕСТРИЦА АЛЁНУШКА И БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинёшеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли, шли — солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!

— Не пей, братец, жеребёночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут — солнце высоко, колодец далёко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из копытца.

— Не пей, братец, козлёночком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козлёночком...

Зовёт Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козлёночек.

Залилась Алёнушка слезами, села под стожок — плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду. Купец ей говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живёт, ест-пьёт с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома.

Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и так-то ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку.

Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку всё было ведомо. Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

— Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа — зарежь да зарежь козлёнка...

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристаёт, так упрашивает,— делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные...

Козлёночек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнёшенько закричал:

— Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёнушка из реки ему отвечает:
— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошёл слуга на реку и видит: по берегу бегает козлёночек и жалобнёшенько зовёт:

— Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Жёлты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули

сети шелко́вые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели её в нарядное платье.

Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею. У него было три сына — все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич.

Говорит им царь таково слово:

— Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадёт, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичья терема. Пустил средний брат — полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягуша-квакуша.

Говорит Иван-царевич:

— Как мне за себя квакушу взять? Квакуша не ровня мне!

— Бери! — отвечает ему царь.— Знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягуше-квакуше.

Призывает их царь и приказывает:

— Чтобы жёны ваши испекли мне к завтрему по мягкому белому хлебу.

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? — спрашивает его лягуша.— Аль услышал от отца своего слово неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрему изготовить мягкий белый хлеб.

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!

Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов — и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям:

— Чтобы жёны ваши соткали мне за единую ночь по ковру.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жёсткое, неприятное?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шёлковый ковёр.

— Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

— Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шёлковый ковёр ткать — чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!

Как сказано, так и сделано.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковёр давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать.

Изукрашен ковёр златом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с жёнами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услыхал слово неприветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу?

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет.

Вот старшие братья явились на смотр со своими жёнами, разодетыми, разубранными; стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?

Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся.

Гости крепко напугались, повскакивали со своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса

Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала.

Жёны старших царевичей увидали её хитрости, давай и себе то ж делать. После как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми — кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их нечестно.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил её на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

— Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею, а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве — у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, поклонился на все четыре стороны и пошёл куда глаза глядят.

Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли — попадается ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй,— говорит,— добрый мо́лодец! — Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему своё несчастье.

— Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок; куда он покатится — ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошёл за клубочком.

Идёт чистым полем, попадается ему медведь.

— Дай,— говорит,— убью зверя!

А медведь провещал ему:

— Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Идёт он дальше, глядь — а над ним летит селезень; царевич прицелился, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь.

Он пожалел и пошёл дальше.

Бежит косой заяц; царевич опять стал целиться, а заяц провещал ему человечьим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Иван-царевич пожалел и пошёл дальше — к синему морю. Видит — на песке лежит, издыхает щука-рыба.

— Ах, Иван-царевич,— провещала щука,— сжалься надо мною, пусти меня в море.

Он бросил её в море и пошёл берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повёртывается. Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— ко мне передом, а к морю задом.

Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич взошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит.

— Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал? — спрашивает Баба-Яга Ивана-царевича.

— Ах ты, Баба-Яга, костяная нога! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала.

Баба-Яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

— А, знаю! — сказала Баба-Яга.— Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно её достать, нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт.

Указала Яга, в каком месте растёт этот дуб.

Иван-царевич пришёл туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда не́ взялся — прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги.

Выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутёк пустился; глядь — за ним уже другой заяц гонится. Нагнал, ухватил и в клочки разорвал.

Вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко; летит, а за ней селезень бросился; как ударит её — утка то́тчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море.

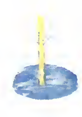
Иван-царевич, видя беду неминучую, залился слезами. Вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть!

Иван-царевич пошёл в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

СОДЕРЖАНИЕ

1 р. 80 к.

РИСУНКИ Ю. КОРОВИНА

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

МОРОЗКО

Русские народные сказки

ИБ № 3114

Отаетстаенный редактор
Н. А. ТЕРЕХОВА

Художестаенный редактор
Н. И. КОМАРОВА

Технический редактор
Е. М. ЗАХАРОВА

Корректоры
Л. А. РОГОВА и А. П. САРКИСЯН

Сдано а набор 29.08.79. Подписаио к печати 02.07.80. Формат $60 \times 90^1/_8$. Бум. офс. № 1. Шрифт. литературный. Печать офсет. Усл. печ. л.. 10. Уч.-изд. л. 8,44. Тираж 100 000 (1—90 000) экз. Заказ № 76. Цена 1 р. 80 к. Ордена Трудоаого Красиого Знамени издательство «Детская литература» Государстаенного комитета РСФСР по делам издательста, полиграфии и книжиой торгоали. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудоаого Красиого Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государствеииого комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москаа, Сущёаский аал, 49.